

ский) и южноприбалтийско-финские основы (примерно 130, распространение: ливский, эстонский). Затем докладчик проследил распространение эстонско-ливской общей лексики в ареале эстонского языка, выделив три лексические группы: ливский — южно- и северозэстонский, ливский — северозэстонский, ливский — южноэстонский. Среди представленных результатов интересно выделить тот факт, что общих ливско-южноэстонских основ обнаружено в 4 раза меньше, чем общих ливско-северозэстонских основ (соответственно около 20 и около 70 основ). Делая такие выводы, нельзя забывать, что не учтена лексика диалекта Салатси ливского языка, как подчеркнул это и сам докладчик.

Эдуард Вяэри (Тарту) представил подробный обзор исследования отношения ливского и латышского языков за два последние десятилетия, т. е. за 1970—1990 гг., но в связи с отдельными исследованиями он проделал экскурсы и в более отдаленное прошлое. Между прочим Э. Вяэри высказал мнение, что латышские исследователи не проявили достаточного усердия и кропотливости в отношении исследования ливского языка и не опубликовали пока ни одной значительной работы по этой тематике.

Три доклада касались вепсского языка. Доклад Айме Кяхрик «Местоимения в системе склонения вепсского языка», в котором дано синхронное описание склонения южновепсских местоимений, зачитан не был (текст доклада опубликован в сборнике симпозиума), однако был прокомментирован Ярмо Эломаа (Хельсинки). Я. Эломаа, кроме доклада, обратился также к изданной в 1988 г. работе А. Кяхрик «Lõunavepsa deklinatsioonisüsteemi põhijooned», отметив между про-

чим, что А. Кяхрик для анализа и описания словоизменительной системы вепсского языка создала интересную морфологическую модель, которая имеет точки соприкосновения с принципами классификаторной морфологии, модифицированными Ю. Викс для эстонского языка.

В докладе Тапани Лехтинена (Хельсинки) «Об отражении русской категории вида в глагольной системе вепсского языка» рассматривалось употребление вепсских моментанов и фреквентативов для передачи некоторых значений русского соответственно совершенного и несовершенного вида. Т. Лехтинен нашел, что активнее заимствовались те видовые значения, которые более органично сливаются с семантикой прибалтийско-финских моментанов (прежде всего аттенуативность) и фреквентативов (габитуальность, конативность).

Ирма Муллонен (Петрозаводск) изложила историю расселения вепсов, опираясь главным образом на данные топонимии («Что говорят местные названия о поселении вепсов в районе Онежского, Ладожского и Белого озер»). Вепсы не являются коренными жителями Междоузерья. Например, результатами своего предварительного исследования докладчик подтвердила мнение о том, что на юго-западное побережье Онеги вепсы пришли из бассейна р. Сювари относительно поздно — в XIV веке, уходя с дороги русских. Основным аргументом для докладчика послужила картина распространения названий деревень на *-l(a)*: по В. Ниссиля, они встречаются на исконных прибалтийско-финских землях, где население занимается земледелием, но отсутствуют на позже занятых территориях.

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.16>

28 августа был проведен симпозиум «Сибирь в XVIII веке». В своем вступительном слове его координатор Янош Гуя (Геттинген) отметил, что широко развернувшаяся в XVIII в. деятельность по сбору сибирских этнографических и лингвистических материалов не только обусловила существенный прогресс в гуманитарном знании своего времени, позволив, в частности, установить взаимное родство уральских языков и вырабо-

тать ряд фундаментальных принципов и приемов компаративистики. Собранные материалы имеют непреходящее значение как непосредственные источники, и можно лишь сожалеть, что значительная их часть за 200 с лишним лет так и не была введена в научный обиход, оставаясь в виде архивных рукописей. Была подчеркнута значимость международного сотрудничества при обязательном участии советских исследователей для осуществле-

ния проекта публикации таких материалов. Определенные ориентиры для этого проекта даны в выступлении Е. А. Хелимского (Москва), осуществившего каталогизацию рукописей XVIII в. из архивохранилищ Москвы и Ленинграда, содержащих лексикографические данные по самодийским языкам: речь идет о по крайней мере 113 словарных списках (из них 44 оригинальных, остальные — копии и сокращенные варианты), в том числе для ненецкого языка — 34 (12 оригинальных), для энецкого — 13 (5), для нганасанского — 8 (4), для селькупского — 43 (16), для камасинского — 8 (3), для маторского — 7 (4). Суммарное количество лексических вхождений по оригинальным спискам превышает 10 тысяч единиц. Совокупное рассмотрение всех материалов проясняет многие вопросы датировки и атрибуции рукописей. И. А. Николаева (Москва) провела аналогичную работу по юкагирским языковым материалам XVIII—XIX вв. Их анализ послужил основой для выявления и классификации староякагирских диалектов — омокского, чуванского, усть-янского и южной (колымской) группы (см. СФУ XXV, с. 223), а также для реконструкции праюкагирского языкового состояния. Х. Ч. Алишина (Казань) выступила с докладом «Антропонимия сибирских татар по архивным материалам XVIII века». Самый молодой из участников конгресса, студент Кай Хендрик Патри (Геттинген) в докладе «Посредник: К этимологиям в *Affinitas* Дьярмати» охарактеризовал двойную значимость появившегося уже на самом рубеже XIX в. труда Ш. Дьярмати — как подробного обзора всех достигнутых на протяжении XVIII века результатов в сравнительном изучении венгерского и других уральских языков и как стимула к дальнейшему отбору и к интерпретации релевантных фактов. Фактически венгерский ученый выполнил необходимую и благодарную роль посредника между исследователями Сибири и зарождающимся финно-угроведением.

Неоднозначную реакцию аудитории вызвало сообщение Б. И. Пивоварова (Новосибирск) о миссионерской деятельности митрополита Филафея среди хантов и манси в первой четверти XVIII в. Докладчик попытался документально обосновать тезис о ненасильственном характере христианизации, однако к числу «не-

насильственных» мер отнес и такие, как уничтожение традиционных святилищ Югры, если оно проводилось после формального крещения местного населения. Последовавшая дискуссия оказалась малопродуктивной, поскольку докладчик, в отличие от своих оппонентов, исходил из представления о православном святом крещении как абсолютном благе, несопоставимом с культурными ценностями языка и шаманизма.

Работа симпозиума завершилась принятием решения о создании Международной рабочей группы по исследованию сибирских языков и народов в XVIII в. Инициативу Яноша Гуя поддержали участники заседания, многие из которых выразили желание войти в состав группы. Конкретные планы и возможности совместной работы были обсуждены в выступлениях Роберта Аустерлитца (Нью-Йорк), Ю. Н. Караулова (Москва), Клары Адьягаши (Будапешт) и др. Среди намеченных перспектив — проведение совещания рабочей группы (скорее всего в Геттингене) и подготовка крупной серии публикаций архивных источников.

Еще один «сибирский» симпозиум, организованный Ласло Хонти (Гронинген), был посвящен теме «Ареальные контакты в Западной Сибири». Многообразие самих контактов и подходов к их изучению определили разноплановость докладов, затронувших проблематику различных языковых уровней (морфология, синтаксис, лексика и этимология, семиотика). Роберт Аустерлиц в докладе «Ареальные связи в Западной и в Восточной Сибири» сопоставил географическую ориентацию культурных воздействий, испытанных и испытываемых, с одной стороны, западносибирскими (обско-угорскими и самодийскими) народами и языками, с другой, нивхами и их языком. Иштван Футаки (Геттинген) привел этимологические свидетельства в пользу своей гипотезы (см. FUM 3, 1979, с. 75—80) о том, что в эпоху Золотой Орды обские угры вступали в непосредственные контакты не только с тюрками, но и с монголами. Ср. манс. *kwaräk*, хант. *V kers* 'связка, низка' при монг. *kery-* 'связать', **kerüge* 'связка'; хант. *N Tajša* 'князец, вождь' при монг. *taisi, taiša* 'племенной вождь'. В докладе «К лингвистической и этноисторической характери-

стике корпуса самодийско-тунгусских лексических соответствий» Е. А. Хелимский показал, что между самодийским и тунгусским в ряде случаев наблюдаются те же фонетические соотношения, что и между самодийским и уральским (**l* < **s*, **j* < **l*, **ʒ* < **u*) — это указывает на древность соответствующей контактной лексики. На этимологическом материале строится гипотеза об участии отдельных групп самодийцев в миграции тунгусов из Средней Сибири в Приамурье и на Тихоокеанское побережье. Е. К. Скрибник (Новосибирск) на обско-угорском и алтайском материале продемонстрировала, что в составе причастных относительных конструкций лично-притяжательные аффиксы выражают не possessивное, а субъектное значение. Доклад Ласло Хонти был посвящен проблеме общих черт в системах числительных языков Западной Сибири. Критически оценивая некоторые не вполне корректные с типологической точки зрения сопоставления структурных особенностей количественных числительных, а также подчеркивая почти универсальную неустойчивость в способах образования составных и сложных числительных, докладчик пришел к выводу, что в данной сфере между уральскими и палеосибирскими языками нет существенных сходств и совпадений, которые могли бы интерпретироваться как отражение древнейших связей.

Заметное место на симпозиуме заняла обско-угорская тематика, представленная выступлениями Лизелотте Хартунг (Берлин) «К вопросам обско-угорской лексики» (данные DEWOS относительно степени и характера лексической близости между хантыйским и мансийским языками), Герта Зауэра (Берлин) «Хантыйско-селькупские лексические связи» (проблема общности ономастопозитического корнеслова), Уллы-Майн Кулонен (Хельсинки) «Синтаксические различия между северными, южными и восточными диалектами хантыйского языка», Бригитте Шульце (Берлин) «Формы и возможности выражения сравнения в хантыйских диалектах».

Рекордным по количеству прозвучавших выступлений — свыше 20 не считая дискуссионных замечаний и комментариев — оказался прошедший 30 августа симпозиум «Dialectologia Uralica». Благодаря усилиям координатора симпо-

зиума Вольфганга Феэнкера (Гамбург) его материалы были опубликованы заранее (Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Rundtischgespräch «Dialectologia Uralica». Debrecen, 30. August 1990. Thesen zu den Vorträgen und Referaten. Hrsg. von W. Veenker, Hamburg 1990 (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Heft 10)), что способствовало интенсивности работы участников на заседании. Международный симпозиум по уральской диалектологии проводится во второй раз, будучи связанным с крупным научным проектом — составлением описаний диалектов уральских языков по единой унифицированной схеме. Если в 1984 г. в Гамбурге речь шла, в частности, о разработке такой схемы и о проблемах классификации диалектов уральских языков (См. Dialectologia Uralica: Materialien des Ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen, Wiesbaden 1985), то на нынешнем симпозиуме многие выступавшие рассказали уже о конкретных шагах и наработках в реализации проекта — в частности, состоялась презентация только что изданной монографии Р. М. Баталовой об онковском диалекте коми-пермяцкого языка, которая составлена в соответствии со схемой и открывает серию подобных диалектных монографий, готовящихся к изданию в России. Подавляющее большинство докладов представляло собой обзор-отчеты о состоянии диалектологических исследований, причем в ряде случаев один и тот же язык был удачно представлен двумя независимыми экспертными оценками (удмуртский — В. К. Кельмаков, Ижевск, и Шандор Чуч, Будапешт; мордовский — Д. В. Цыганкин, Саранск, и Габор Зайц, Уппсала; марийский — Д. Е. Казанцев, Йошкар-Ола, и Сиркка Сааринен, Турку; хантыйский — И. А. Николаева, Москва, и Герт Зауэр, Берлин и др.). Организационные и методологические аспекты проекта «Dialectologia Uralica» освещались в докладах Вольфганга Феэнкера (общие вопросы организации сотрудничества), Яноша Пустаи, Печ (практика использования единой схемы), Е. А. Хелимского (диахронический подход в описании диалектов), Р. Г. Котова, Москва (возможность создания машинной базы данных по проекту).

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)